
Александр Костюченко
Ангельские Глаза

Александр Костюченко

Ангельские Глаза

https://litres.ru/74517382
SelfPub; 2026

Аннотация

переходит через сон в хранилища всего космоса и берёт там энергетический сгусток энергии шар чтобы вылечить дочь

Содержание

Глава 1 4
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Александр Костюченко
Ангельские Глаза

Глава 1

Ангельские глаза

Той на Суточном дежурстве в реанимации скорой помощи. Привычно борется за жизнь пациентов, Очередной раз возвращает пациента с того света, но чувствует усталость от этой рутины будто высасывает из него жизнь по капле.

Мия у него единственная дочь. Мама Мии погибла в авиакатастрофе и Той воспитывает Мию один, время от времени приезжают бабушки с дедушки помогать по дому.

После тяжёлой смены Той возвращается домой. Он ещё не знает, что этот день изменит его жизнь навсегда.

Сон Тоя прерывается звонком из школы, словно разрезал тишину в квартире как ревущая сирена. Той сонно нехотя посмотрел на экран, а это классный руководитель Мии.

Классный руководитель сообщает, что Мия упала на перемене в обморок и ударилась головой об пол, её забрала скорая помощь.

Сон слетел мгновенно. Страх ледяной иглой впился в по-

звоночник. Не его пациент. Его дочь.

Той узнал в какую больницу отвезли Мию, и тут же помчался к дочери.

Врывается в палату интенсивной терапии. Берёт руку дочери. Мия лежит без сознания, её глаза закрыты.

Лечащий врач, знакомый Тоя по станции скорой помощи, отводит его в сторону и говорит тихо, глядя не на Тоя, а на показания приборов: «Сотрясения нет, томографию надо делать срочно. Физически она абсолютно здорова».

Той в шоке от услышанного. Он спрашивает врача, насколько серьёзно положение и есть ли шансы на выздоровление.

«Я не могу поставить диагноз без томографии, — отвечает доктор, стараясь сохранять профессиональное спокойствие. — Но обморок просто так не случается. После снимков всё выяснится».

Той кивает, но слова врача не успокаивают его. «Физически здорова» — это звучит как насмешка над аппаратом ИВЛ.

— Что могло вызвать такой глубокий обморок? — спрашивает Той, опираясь о холодный кафель стены. — У неё никогда не было проблем с давлением и сердцем.

Врач снимает очки и трёт переносицу. Он говорит тише, чтобы их не слышали медсёстры: — Той, послушай... Ты ре-

аниматолог, ты сам знаешь статистику. Когда здоровый ребёнок падает без сознания на ровном месте, мы ищем две вещи: скрытую травму или то, что растёт внутри головы. Нам нужно исключить опухоль. Поезжай со скорой в областную больницу. Я предупрежу нейрохирургов, они будут ждать вас.

Слово «опухоль» бьёт Тоя наотмашь. Он сглатывает ком в горле, который мгновенно пересыхает.

В коридоре его перехватывает медсестра с бланком: «Подпишите согласие на экстренную транспортировку». Рука Тоя дрожит так сильно, что подпись получается кривой, почти нечитаемой.

Он выбегает из больницы под вой сирены реанимационного автомобиля, который уже задним ходом подавали к приёмному покою. Той про себя думает. нужно успеть доехать до областной больницы скорее чтобы узнать есть ли опухоль у Мии или нет.

Той заскакивает в салон реанимобиля следом за бригадой. Двери захлопываются с тяжёлым металлическим лязгом, отсекая звуки улицы.

Здесь пахнет озоном, кровью и лекарствами для Тоя уже привычно. Мия лежит на высоких носилках, опутанная проводами датчиков. Её грудь едва заметно поднимается под кислородной маской, и машина срывается с места. Тоя бросает спиной на холодную стенку фургона. Он судорожно хватается за поручень над головой, но его взгляд намертво при-

кован к кардиомонитору. Зелёная линия рисует ритм жизни дочери, а Той считает каждый удар: *«Давай... давай...»*.

Водитель скорой вдавливает в пол педаль газа, а звуковой сигнал распугивает машины на кольцевой развязке. Фельдшер быстро вводит данные Мии в планшет, не отрывая глаза от монитора.

— Давление падает! — говорит он врачу. — Пульс нитевидный!

Той делает шаг вперёд, его врачебные рефлексы срабатывают быстрее паники. — Я могу помочь? Ввести что-нибудь?

Врач бригады качает головой, даже не глядя на него: — Не мешайте, доктор. Мы теряем её прямо сейчас.

Он хватает со стойки шприц с прозрачным раствором и вонзает иглу в подключичный катетер Мии. Той смотрит на бледное лицо дочери и понимает: это уже не просто обморок. Это агония.

Лекарство действует. Тонкая зелёная линия на мониторе перестаёт плясать и выравнивается, но остаётся опасно низкой.

Врач вытирает тыльной стороной ладони лоб, оставляя на нём красное пятно от ампулы. — Успели... — выдыхает он. — Но она на нитях держится. Если до ворот не довезём...

Той кивает, хотя врач на него не смотрит. Он сжимает холодную руку Мии в своих ладонях, пытаясь согреть её своим теплом. Скорая вылетает на финишную прямую к областному центру, разрывая ночную тишину воем сирены. Впереди

уже видны подсвеченные буквы «ОБЛАСТНАЯ КЛИНИЧЕСКАЯ БОЛЬНИЦА».

Скорая тормозит прямо у светящихся красными буквами «Приёмный покой». Задние двери распахиваются.

Их уже ждут: каталка, группа врачей в синих костюмах и нейрохирург — седой мужчина с тяжёлым взглядом, который сразу отстраняет фельдшера от носилок. — Что везёте? — коротко бросает он Тою, пока они перекладывают Мию.

Той на секунду теряется, сбиваясь с роли отца на роль коллеги: — Девочка, восемь лет. Обморок в школе, клиническая смерть по дороге. Давление нестабильное. Подозрение на объёмное образование головного мозга...

Нейрохирург кивает, его взгляд становится ещё жёстче. — Везите на КТ. Живо. Отец, ждите здесь, вас позовут.

Каталку увозят за двойные автоматические двери, которые тут же смыкаются за ними. Той остаётся один в ослепительно белом коридоре под гудящими лампами дневного света.

Той медленно сползает по холодной кафельной стене на пол, не чувствуя холода. Время растягивается в бесконечную резину. Он смотрит на мигающую красную лампу над дверями «Компьютерная томография».

Из оцепенения его выводит голос медсестры: — Вы отец Мии? Вас просят к врачу.

Той вскакивает так резко, что кружится голова. Он заходит в ординаторскую. Нейрохирург сидит за столом, перед

ним — несколько чёрно-белых снимков, подсвеченных диаскопом. Врач молча указывает Тою на стул и подвигает ему чашку с остывшим чаем.

Той садится. Его руки всё ещё дрожат. — Что там? — спрашивает он, хотя уже знает ответ по лицу врача.

Врач снимает очки и кладёт их на стол. Он смотрит прямо в глаза Тою, не пытаясь смягчить удар.

— Это опухоль, Той. В затылочной доле. Довольно крупная. — Нейрохирург постукивает пальцем по снимку КТ, где белое пятно расползается тёмными щупальцами. — Именно она давит на ствол мозга. Обморок был вызван резким скачком внутричерепного давления.

Той чувствует, как пол уходит из-под ног. *«Опухоль... у Мии...»* Слово кажется чужим и неправильным.

— Она... она выживет? — голос срывается.

Врач тяжело вздыхает: — С операцией шансы есть. Но это нейроонкология. Риски огромные. Нам нужно ваше письменное согласие на вмешательство. И чем быстрее мы её возьмём на стол, тем лучше. Времени почти нет.

Той смотрит на снимок, но не видит там опухоли. Он видит лишь смерть жены в авиакатастрофе и теперь — ледяную пустоту операционной.

— Я подпишу всё что угодно, — хрипит он, протягивая руку за ручкой. Его пальцы не слушаются. — Делайте что нужно. Спасите её.

Той быстро заполняет бланк и подписывает. — Врач ки-

вает головой, и говорит хорошо. Я распоряжусь чтобы сейчас её готовили к экстренной трепанации. Ждите здесь. Это займёт несколько часов.

Врач выходит, оставляя Тоя одного с тусклым светом лампы и запахом хлорки. Той остаётся сидеть, сжимая в руке ручку, которой только что подписал приговор... или надежду для своей дочери.

Часы в коридоре бьют полночь, но для Тоя время остановилось. Он сидит на жёстком пластиковом стуле уже третий час, механически считая трещины на линолеуме.

Двери операционной внезапно распахиваются. Той вскакивает, роняя куртку. В проёме появляется тот самый нейрохирург. Его медицинская шапочка сдвинута набок, а маска болтается на шее. Он выглядит изможденным, но его глаза спокойны.

— Мы закончили, — говорит он и тяжело прислоняется к косяку. — Удалось удалить почти девяносто восемь процентов объёма. Гистология покажет природу клеток завтра, но визуально это агрессивная форма.

Той пытается вдохнуть, но воздух застревает в горле. — Она... она проснётся?

Врач снимает маску с шеи и вытирает лицо рукой. — Она вышла из наркоза прямо на столе. Реакция зрачков есть. Сейчас её везут в реанимацию. Так как вы коллега, можете зайти к Мии на минуту, только не трогайте её.

Той заходит в реанимационный бокс. В воздухе висит мо-

нотонный писк аппаратов. Мия лежит под белой простынёй, её голова полностью забинтована, из-под повязок тянется трубка дренажа.

Но она не спит. Её глаза открыты. Они кажутся огромными на осунувшемся лице. Той делает шаг к кровати и берёт дочь за руку — пальцы Мии слабо, но ощутимо сжимают его ладонь в ответ.

Она пытается что-то сказать, но голосовые связки ещё скованы наркозом. Губы беззвучно шевелятся. Той наклоняется ниже, почти касаясь ухом её рта, и разбирает одно слово:

— Папа...

По щеке Тоя скатывается слеза. Он улыбается сквозь эту слезу, чувствуя, как ледяной ужас последних часов наконец отпускает горло. Она здесь. Она вернулась.

Той договорился чтобы остаётся у кровати до утра, боясь отойти даже на шаг. Когда первые лучи солнца пробиваются сквозь жалюзи, веки Мии начинают тяжелеть.

Она засыпает — уже обычным, глубоким сном выздоравливающего человека, а не провалом в кому. Мониторы выводят ровные, спокойные линии.

В палату заходит медсестра со штативом для капельницы и шприцами. Она улыбается Тою: — Доброе утро. Показатели отличные, критический период миновал. Сейчас сделаем обезболивающее, пусть отдыхает.

Той кивает, но с места не двигается. Он смотрит на блед-

ное лицо дочери и впервые за ночь позволяет себе подумать о будущем. Опухоль удалена, но врач сказал про гистологию. Той достаёт телефон и видит десяток пропущенных от родителей и сообщений в рабочем чате. Впереди долгий путь, но главное — она дышит сама.

К обеду Мия снова приходит в себя. Жар спал, и она выглядит гораздо спокойнее.

Той сидит на стуле у окна и пытается составить отчёт для станции скорой помощи, объясняя своё внезапное исчезновение с дежурства «семейными обстоятельствами». Рука не слушается, буквы расплываются.

Вдруг он слышит шорох простыней. Той поднимает глаза. Мия смотрит на него осмысленно, без пугающей пустоты, что была ночью.

— Пап... — голос звучит хрипло, но чётко. — А мы мультики сегодня посмотрим?

На глазах Тоя снова наворачиваются слёзы, но теперь это слёзы облегчения. Он откладывает телефон и улыбается дочери: — Конечно, котёнок. Мы посмотрим всё, что ты захочешь.

Но мне надо съездить по делам, когда вернусь будем смотреть.

На следующий день в палату заходит лечащий врач с пухлой историей болезни. Он просит Тоя выйти в коридор для серьёзного разговора.

Врач протягивает ему распечатку результатов гистологии

и объясняет: — Мы получили анализы удалённых тканей. Это астроцитома высокой степени злокачественности.

Той чувствует, как земля уходит из-под ног — это самый агрессивный вид опухоли мозга.

— Но ведь вы её вырезали... — голос подводит его. — Вы сказали, что почти всё убрали.

— Операцией мы сняли давление на мозг, но микрочастицы клеток могли остаться, — говорит доктор мягко, но прямо. — Без дальнейшего лечения рецидив неизбежен, счёт идёт на недели. Ей срочно нужно начинать лучевую терапию и химиотерапию.

Той стоит в коридоре, сжимая в руках распечатку с диагнозом. Слова «неизбежен» звенят в голове.

— Сколько... сколько у нас времени на подготовку? — хрипло спрашивает он.

— Мы уже подготовили койко-место в профильном центре, — врач кладёт руку ему на плечо. — Нейрохирурги сделали чудо, Той. Но теперь начинается настоящая война за каждый день её жизни. Вам нужно подписать ещё одно согласие. На протокол химиотерапии. Он очень жёсткий для детского организма.

Той кивает, возвращаясь в палату. Мия как раз доедает больничную запеканку и выглядит почти здоровой. У него не хватает духу сказать ей прямо сейчас, что самое страшное впереди. Вместо этого он выдавливает улыбку: — Ну что, боец? Готова переехать в другую больницу? Там палаты боль-

ше, и балкон есть.

Мия кивает, но её взгляд цепляется за лицо отца. Она слишком хорошо знает его после лет работы на скорой — этот напряжённый подбородок и искусственную улыбку не обмануть.

— Ты опять плачешь? Только изнутри? — тихо спрашивает она.

Той вздрагивает. Он быстро вытирает уголок глаза рукавом рубашки. — Просто соринка в глаз попала, когда я твою запеканку увидел. Страшная вещь.

Мия слабо усмехается, но тут же морщится от боли в забинтованной голове.

В палату входят два санитара с каталкой для транспортировки. Той берёт рюкзак дочери. Когда они выезжают из отделения нейрохирургии, Мия крепко сжимает его руку: — Папа, мы ведь победили её, да?

У Тоя перехватывает дыхание. Он смотрит на дочь и твёрдо отвечает: — Да. Победили. Теперь просто добьём остатки.

Новая больница встречает их стерильным запахом онкологии и тихими, бледными детьми в коридорах. Мию определяют в одноместную палату с огромным окном во всю стену.

Вечером, когда медсестра ставит первый, «тестовый» кубик химии через порт-систему на груди, Той видит, как меняется лицо дочери. Румянец исчезает, сменяясь восковой бледностью.

— Пап... меня тошнит, — шепчет Мия, судорожно хватая протянутую санитаркой утку.

Той держит её волосы, чувствуя абсолютное бессилие. Он спас её от ножа хирурга, но теперь смотрел, как невидимый яд медленно выжигает болезнь изнутри, забирая силы его ребёнка. Когда приступ рвоты проходит, Мия обессиленно откидывается на подушки и закрывает глаза. Она засыпает мгновенно, а Той остаётся сидеть рядом, слушая мерный писк инфузомата, отсчитывающего капли яда.

Ночь проходит тяжело. Химия бьёт по организму: у Мии поднимается температура, и она то дрожит под ледяной простыней, то скидывает одеяло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.